

ВИКТОРИЯ НИКИФОРОВА

Болеро

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н62

Выпускается в авторской редакции.

Никифорова, Виктория Витальевна.

Н62 Болеро / Виктория Никифорова. — Москва : Никифорова В., 2026. — 752 с.

ISBN 978-5-600-05287-1

«Болеро» — это современная любовная история, сотканная из пустиков и острот, маленьких трагедий и комедий. Написана она живо, словно рассказана вслух, а порой автор, разволновавшись, переходит с прозы на стихи. Действие то разгоняется до предела, то вдруг тормозит, то перекидывается в прошлое, то на всех парах несется в будущее.

Декорациями для любовного треугольника становится едва ли не весь мир — тесный современный мир «цифровых кочевников», где Гонконг и Петербург, Москва и Цюрих расположены рядом, словно соседние комнаты в квартире.

Автор сочетает холодную наблюдательность с искренней взволнованностью, хитроумный сюжет с простодушной эмоциональностью, драму с сатирой, прозу с поэзией. Из картин и балетов, брендов и цен, пиджаков и платьев, снов и грез возникает странный мир «Болеро» — реальный и призрачный в одно и то же время.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-600-05287-1

© Виктория Никифорова, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	8
Глава вторая	29
Глава третья	49
Глава четвертая	64
Глава пятая	111
Глава шестая	140
Глава седьмая	158
Глава восьмая	186
Глава девятая	205
Глава десятая	226
Глава одиннадцатая	246
Глава двенадцатая	277
Глава тринадцатая	295
Глава четырнадцатая	308
Глава пятнадцатая	334
Глава шестнадцатая	366
Глава семнадцатая	381
Глава восемнадцатая	413
Глава девятнадцатая	434
Глава двадцатая	447
Глава двадцать первая	474
Глава двадцать вторая	491
Глава двадцать третья	513
Глава двадцать четвертая	536

Глава двадцать пятая	553
Глава двадцать шестая	564
Глава двадцать седьмая	582
Глава двадцать восьмая	599
Глава двадцать девятая	618
Глава тридцатая	643
Глава тридцать первая	660
Глава тридцать вторая	670
Глава тридцать третья	688
Глава тридцать четвертая	707
Глава тридцать пятая	715

лббл
свинья вкусная как рыба
«забота о внешнем правдоподобии обличает современную низость»
showers and showers again
черный тоблерон
Straight to Heaven
приедь ко мне

— нет, мне кажется, ничего не будет... — отчего же? у нас не любят успешных... — а где их любят? — да бросьте, это же черт знает что... — люди не поймут... — не-а, ничего им не будет, вот увидите... так, поговорят и все... — как же все это, не знаю... — рашн стайл, да? — очень все это по-русски, конечно... — ничего не будет... — будет-будет...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

13 августа 2016 года

Москва, 11:00

— А кто это вообще?

Шорох пальцев по клавишам, мерцание экранов, деликатно приглушенные сигналы мобильных, круглый звук колесиков по полу — покатилося офисное кресло, а в кресле замзавотделом, а тем в номер у замзава нет — август. Москва тает под солнцем, плывет в обморочный туман, жара, блажь, все ВИПы черт-те где. Что делать?

— Типа секс-символ, да?

— Господи. Деловое издание. Докатились. Ну и чего?.. Петр, вы у нас главный по мировой культуре, так сказать. Почему мы должны ставить в номер эту пресс-конференцию?

— Эм-м-м... Не каждый день русских зовут руководить английским театром...

— Ну это же не Ковент-Гарден!

— Бирмингемский театр — он, как ни странно, ничего такой театр. Из продвинутых.

— А, я вспомнил... Там еще скандал какой-то странный был на вручении «Оскара»...

— «Эмми»...

— «Оскара»...

— Да ну вас...

— Не дали, что ли?

— Прокатили на вороних...

— Как я люблю нашу культуру, — развлекается замзавотделом, кружа в кресле вокруг центральной колонны опенспейса. У подножия ее приткнулось на зарядку полдюжины мобильников. Идиллия водопоя — «Эппл» не гонит «Сони», «Самсунг» не рвет «Хуавэй». — Те, кто не получил «Оскара». Та, кому не дали «Эмми». Тот, кто облажался в Каннах. Те, кто обосрался в Берлине... Это просто центральный наш слоган по жизни... Надо будет колонку про это потом заказать... Петр, вы сделаете тогда подводку? Я сейчас Василия Аркадьевича наберу в Лондоне, он в Бирмингем метнется, нам интервью быстренько слабают...

— Да у меня Гергиев тут на полполосы. Еще конь не валялся... Я Малину и на сцене-то никогда не видел.

— А кто видел?

— А вот я видел, как ни странно, — развернулся в кресле Макс, главный спец по «Формуле-1» и горячим точкам на Ближнем Востоке. — Лет так двадцать назад, да блин, нет, больше...

— Ну и как?

— Да как... — Макс подъехал на кресле к замзаву, и они мирно покатали вдвоем по широкому проходу. — Там какой-то конкурс балетный был, я не разбираюсь... Я на стажировке в «Комсомолке» был тогда. Они уж не знали, какой треш мне поручить... Ну чего, весь

зал прямо в голос орал. Ногами топали... Сумасшествие...
Как на рок-концерте прямо...

- Ну и давай, Макс, голуба моя, три тыщи знаков.
- Может, две?
- Три... три...

Бирмингем, 09:00

Малина стоит на левой ноге. Правая нога ее задрана вверх, носок вытянут, ступня плотно прижата к стене. Под коленями жжет невыносимо. Александра старается дышать медленно и по чуть-чуть, растягиваясь на каждом выдохе. Через несколько выдохов в процесс вступает задняя поверхность бедра. У этой боли оттенок несколько иной — можно сказать, что она звучит в басовом ключе. Малина делает еще три выдоха, проседает ниже. Пальцы на ногах сводит судорогой, в глазах темнеет. Дыхание частит, пульс сбивается. Залив. «Волны на Заливе», — судорожно думает она. Сосны. Иголki на песке. Запах водорослей... Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Когда перед глазами проясняется, Малина вздыхает поглубже и пытается просесть ниже. Если слегка вывернуть опорную ногу, то получится избавиться от режущей боли в паху. Но вот этого делать-то как раз нельзя. Она глубоко дышит и думает о Заливе.

Со стороны посмотреть — идеальный шпагат, даже не сто восемьдесят, а сто девяносто градусов, но сегодня кровь из носу надо растянуться получше. На следующее движение неистойвой болью отзывается тазобедренный сустав. «Это уже не крепатура», — думает Малина, смагивая слезы с ресниц. Это натуральный ревматизм от сырости. Интересно-то оно как.

Пот катит градом, треники, гетры, шерстяные носки, футболка, толстовка — все промокло насквозь. На улице не так уж холодно, но сустав жжет так, будто за окном январские морозы. «Это август здесь такой, — думает Малина, считая вдохи-выдохи. — Интересный какой август... Залив. Облака несутся по небу. Белый песок возле Курорта завивается маленькими вихрями. Песчинки мукой припорошивают руки, щеки. Облака. Иголки прилипают к ладоням. Море. Горизонт. Терпи».

Малина делает еще выдох, медленно, сквозь пелену невыносимой боли проседая еще ниже. Ноги дрожат. Слезы катятся по лицу. Вдох-выдох. Еще сто выдохов — и горячая ванна. Залив. Мы вместе идем по песку. Как же больно. Вдох-выдох.

Варвик, 09:00

Весы показали пятьдесят два триста. Энн подумала, что надо поставить клизму, потом взвеситься опять. Плюс четыреста граммов со вчерашнего. Как это возможно вообще? Она мельком взглянула в зеркало, отвела глаза. «Кто нас заточил в эту жирную, смертную оболочку? Дайте мне скорлупку от ореха, я туда влезу, скроюсь ото всех».

Повторно зазвонил будильник на мобильнике. Энн бросилась его выключать, чтобы не разбудить соседку — Луиза спросонья ругалась как пьяный матрос. Потом на цыпочках метнулась в кухню, включила чайник, высыпала горсть овсянки в миску, бросила туда щепотку корицы, щепотку соли. Насыпала шесть чайных ложек молотого кофе в кружку. Залила кофе и овсянку

кипятком. Намазала лицо кремом от угрей и загуглила в телефоне Малину.

Закат в Таормине. На фоне заката стоит Малина на правой ноге. Левая нога под каким-то странным углом поднята назад и вверх. Правая рука тоже поднята вверх, левая вытянута вперед. И еще как-то странно сложены пальцы.

Восемнадцать тысяч лайков. В комментариях: «Это божественно!», «Я смотрю и плачу», «Я знаю это место в Таормине, мы там проводили медовый месяц», Oh, my Gosh...¹

Еще фото — столешница из мореного дуба. На столешнице тонкого фарфора тарелка. На тарелке — зеленые листья салата, на них живописно раскиданы черри и несколько больших креветок. Рядом бокал — в бокале какая-то малиновая жидкость. Крошечная чашечка с эспрессо — черный круг в белом круге. Это завтрак.

Малина у балетного станка в обвисших штанах и насквозь пропотевшей белой майке-алкоголичке. Эмблема тяжкого труда.

Малина с семьей. Все стройные, загорелые, на позитиве. Фоном — набережная Сен-Тропе.

Малина сидит в куче пуантов на полу и улыбается в камеру. Детская непосредственность. Двадцать тысяч лайков.

Вот он инстаграм² селебрити, думает Энн, хоть диссертацию пиши. Совершенно иезуитская смесь самоистязания и самолюбования, «Надзирать и наказывать», отец наш Фуко. Странные архаичные движения, при-

¹ О, боже мой... (англ.).

² Instagram, владелец Meta Platforms Inc., признана экстремистской организацией на основании решения Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 года, и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

думанные еще во времена «короля-солнца». Строгая диета, витаминные смеси. Ежедневные физические упражнения, чтобы растянуть и укрепить мышцы. Крем от загара, чтобы не было морщин, и крем от морщин после крема от загара. За амбассадорство этих кремов платят сотни тысяч фунтов. Больше спать — особенно в длинных перелетах. Кстати, эти перелеты разрушают озоновый слой в атмосфере. И все это ради того, чтобы правильно выглядеть, правильно двигаться и получать все эти «Ах, прекрасно!» от миллионов идиотов со всего света. Зачем?

Энн отпила кофе, давась проглотила ложку овсянки. Сейчас она, постдок университета Варвика, кандидат, в сущности, гуманитарных наук, поедет на автобусе в Бирмингем, чтобы записать и транслировать речи существа, посвятившего всю свою жизнь вытягиванию рук и ног в разные стороны. И, между прочим, нет, не хочется на этом заострять, но что правда, то правда — на своем посту худрука русская звезда будет получать раз так в двадцать больше, чем она со своей полставкой университетского библиотекаря и подработкой в «Старбаксе».

Поразительные ритуалы нашего времени. О чем же спрашивать это существо? О правильном питании? О глобальном потеплении? Сидя в автобусе, Энн свайпит дальше — половина записей по-русски, половина по-английски. Английский корявый, но вполне бойкий.

10 июля было выложено фото на весах. «I think, fat people are just too lazy, — написано под селфи. — Hey, guys, your kilos kill you. Cheer up, work out, forget burgers and — probably — you will look like this!»³

³ Думаю, что жирттресты просто лентяи. Эй, ребята, ваши килограммы вас убьют. Взбодритесь, тренируйтесь, забудьте про бургеры и — возможно — будете выглядеть так же! (англ.).

Энн внимательно разглядывает кубики на прессе, идеальной формы руки, идеальной формы ноги, царственную посадку головы на точеной шее, разворот плеч, невыносимо тонкую талию. Увеличив, рассматривает цифры на электронных весах. Н-да. Она еще раз пересчитывает пост, смахивает злую слезу.

«А вот это ты зря», — думает Энн, откидываясь на сиденье.

Сестрорецк, 11:00

Чей-то сеттер носился вдоль кромки приборя, лаял на волны. Сергей Андреич подобрал ветку, бросил ему.

— Ну что тебе, что? Где хозяин, а? Хороший ты пес... — приговаривал он.

«Нынче ветрено и волны с перехлестом... На что Сане сдался этот Бирмингем? Мрачный город, красный кирпич и красные пивные морды, куча цветных на улицах. Саня там будет как лилия на помойке. Негоже лилиям пряться... И дожди вечно... В плохую погоду ноги будут болеть...

Вряд ли что-то выйдет с этим театром... Если по-честному, эта работа вообще не для Сани... Тут надо самоотдачу, как там это... „умереть в актере“... Саня застрелится, но ни в ком не умрет... Ей нужно блистать, покорять, она всегда в гордом одиночестве, других таких нет, конкурентов не терпит... Attention whore⁴, в жизни бы, конечно, в лицо не сказал, но... хорошее выражение, умеют все-таки англичане.

Этот прекрасный компактный язык... смертельное оружие умирающей империи... Все эти глупости про криптоколонии, все это слишком сложно. У них просто

⁴ Человек, страстно жаждущий внимания (англ.).

есть язык, который описывает нам всю нашу вселенную. А у нас его нет. И ни у кого его нет. Французы?.. Ну не знаю, держатся из последних сил, жалостно это все... Pathetic...⁵ тоже хорошее слово...

Когда уже Саня приедет... Я никогда этого не скажу, но у меня паршиво на душе и вообще... Говорить об этом, впрочем, нельзя. И думать об этом тоже не надо. Это неправильно так распускаться. Надо пожестче.

У меня плохое предчувствие. Мне не хочется об этом думать, мне хочется отвлечься... Позвонить, что ли, Сане?.. Нет-нет, это нельзя... ни в коем случае нельзя суетиться, тревожиться, прыгать вокруг — то, се — все это старит ужасно, хуже морщин... Легче надо быть... Легче... Очень тяжело с этим „легче“... Ничего...

Лучше позвонить Кристабель, наклевывается тут одна идея, очень перспективная в плане маржи... Кристабель отлично все подсчитает, она невероятно деловая женщина... Но как же не хочется ее набирать...»

— Ну что, что тебе? Что? Что ты прыгаешь на меня? Мячик потерял? Где твой хозяин? А?! Хороший! Хороший пес! Беги к хозяину! Где хозяин твой? А?!

Бирмингем, 11:00

Кристабель проснулась рано. За окном едва рассвело, но она чувствовала себя выпавшейся и бодрой. Глянула в приложение к фитнес-браслету — сон — 3 часа 58 минут. Как же это мило: чем меньше остается жить, тем меньше ты спишь. В шестнадцать лет она могла проспать четырнадцать часов подряд. Тогда не было фитнес-браслетов. На прикроватной тумбочке стоял

⁵ Жалкий, убогий (англ.).

большой будильник, когда он начинал дребезжать, она била по нему сверху ладонью, он затыкался. И сколько калорий она потратила, и сколько калорий съела — этого тоже тогда она не знала. Не то что в семьдесят шесть.

Кристabelle встала с кровати, позанималась йогой, приняла еле теплый душ, заварила себе травяной чай. Солнце всходило в багровых тонах, но багровое быстро съедали наползавшие графитовые тучи. Опять ждать дождя.

Она просмотрела на телефоне почту, уже многие годы это была сплошь деловая переписка. Театры, корпорации, банк, арендаторы, нью-йоркский брокер, гонконгский брокер.

«Забавно, я уже и не помню, как оно выглядит — личное письмо в папке „Входящие“. Каким оно может быть? „Привет! Я скучаю. Здесь очень жарко, а у вас, наверное, дожди, как всегда. Ты не забываешь пить витамины? Я слышала, кальций помогает от депрессии“».

Кристabelle подумала, что, когда совсем одряхлеет, уйдет в отставку, будет сама себе писать такие письма по вечерам — а по утрам открывать их и читать. Возможно, ей удастся застать Альцгеймер на такой стадии, когда содержание письма за ночь она станет забывать, но утром еще сумеет разобрать, прочитать. Тогда ей удастся от души насладиться своим Альцгеймером. «Молодость смакует удовольствия, старость — болезни», — сформулировала она и поморщилась. Да какие там удовольствия в молодости? Страхи, тревоги, разбитые надежды. Это вот когда к восьмидесяти подкатит, тогда удовольствием становится буквально все. Можно было бы составить список.

От чего умеют получать удовольствие старики:

- травяной чай,
- овсянка без соли,
- дождь,
- снег,
- боль в спине,
- разговоры с умершими,
- одиночество,
- темнота за окном,
- боль в суставах,
- рутина,
- стыд от неразделенной любви,
- боль от неразделенной любви,
- безнадежность,
- планирование похорон,
- бессонница,
- мечты о смерти возлюбленного.

За окном совсем рассвело и сразу же полило как из ведра. Кристабель допила чай, потянулась к телефону. Одна из маленьких радостей одиночества — часы то и дело показывают тебе красивые сочетания цифр. Уже было шесть ноль шесть. Оставалось шесть часов до пресс-конференции.

Она открыла телефонные вызовы, просмотрела последние. На аватаре была фотография Саньи, которую она сделала три дня назад прямо на вокзале.

...Малина вылезает из вагона в сером худи, блеклоголубых джинсах, с беловатой кожаной спортивной сумкой через плечо. Вокруг какое-то немыслимое совершенно количество мест багажа. Чемоданы, чемоданчики, сумки — все это еле влезло потом в «Мини-Купер».